

Стихи, не вошедшие в тетради

5

АРХИВ. Том 5

**«Карьера Иоганна Бура»
Часть 2**

**Тетрадь 1.
ПРЕДИСТОРИЯ**

3.8.81 – 30.7.82

Содержание

1. В окружении строений.....	3
2. Плыли пираты по синему морю.....	4
3. Кто ты, девушка из мифа.....	5
4. Ребёнок резв не по годам.....	6
5. Фортуны резвый руль вращая.....	7
6. Красиво падает на Землю.....	8
7. Ты порхала по лужайке.....	9
8. Три коровы спозаранку.....	10
9. МЕТАМОРФОЗЫ.....	11
10. ЕДИНСТВЕННАЯ ПЕСНЯ.....	14

1. В окружении строений

В окружении строений
Защищенный от ветров,
Жил он много поколений,
Многих пережил жильцов.

Был он зимний и весенний.
Болен был и был здоров.
И не ведая сомнений,
Был грозой для врагов.

Обо всём имел сужденье.
Всем давал приют и кров.
И не делал разделенья
На детей и на отцов.

Видел взлёты и паденья.
Умных знал и дураков.
Но снесли без сожаленья
Самый старый из дворов.

18.1.1982

2. Плыли пираты по синему морю

Плыли пираты по синему морю,
Пили вино и курили табак.
Главный пират с молчаливым укором
Крикнул: "Да кто ж это делает так?!"

Трюмы набиты золотом были:
Каждому ровный достался пятак.
Главный пират им сказал: "Как вы жили!
Разве же так поступает моряк?!"

Чистили пушку пираты от пыли,
Сыпали порох, промокший от слёз,
Главный пират прошептал: "Вы забыли
Дать мне ответ на последний вопрос!"

Все на прощанье его обнимали,
Каждый на память дарил сувенир.
К жерлу у пушки его привязали.
Молча плечами пожал канонир.

Ели пираты масло без хлеба,
Пили табак и курили вино.
Главный пират, улетаая на небо,
Тихо вздохнул: "Мне теперь всё равно".

5.2.1982

3. Кто ты, девушка из мифа

Кто ты, девушка из мифа,
Амазонка или нимфа?
Дочь могучего халифа?
Родом с древнего Коринфа?
Или каждая из них?
Я влюбился в акrostих!

6.2.1982

4. Ребёнок резв не по годам

Ребёнок резв не по годам.
Ужасный шум, ужасный гам!
Сирена, грохот, шторм, буран,
Тайфун, цунами, ураган!
А там, глядишь, уже он стих:
Мой изучает акrostих.

6.2.1982

5. Фортуны резвый руль вращая

Фортуны резвый руль вращая,
Ангарских девушек смущая
Разнообразием утех,
Имеет он у них у всех
Дипломатический успех.

6.2.1982

6. Красиво падает на Землю

Красиво падает на Землю
Огонь зодиакальных звёзд...
Реальность гордо не приемля,
Онтологичнейший вопрос
Петлеобразно давит мозг:
Писать сейчас иль погодить
Евангелие от Петра?
Трансцендентально: быть – не быть?
Рационально: на хера?

9.2.1982

7. Ты порхала по лужайке

Ты порхала по лужайке,
Там где розовый тюльпан,
В лёгких трусиках и майке,
Выгибая гибкий стан.

Ловко ножку поднимала,
Ручкой гладила себя.
Ах, не знала ты, не знала,
Что смотрю я на тебя.

Я терпел, что было мочи,
Чтоб тебя не испугать.
Мне хотелось очень-очень
Как-нибудь тебя поймать.

Ты накинула халатик,
Убежала за кусты.
Кто же мне теперь заплатит
За помятые цветы?

11.3.1982

8. Три коровы спозаранку

Три коровы спозаранку
Отпросились на базар.
Наказала им доярка
Привезти ей самовар.

Заказали комбайнёры
Три шурупа, два болта,
А работники конторы –
Мышеловку и кота.

И старушка баба Вера
Хочет средство от клопов.
И сказали пионеры:
Срочно нужен телескоп.

Заказал пастух подарки:
Из капрона новый кнут,
И бутылок десять «Старки»
От ангины и простуд.

С птицефермы две девчонки
Просят платье и жакет,
И джинсовые юбчонки,
Как в журнале «Силуэт».

Просит сторож дядя Вася:
Нет гитары у меня.
И мечтает о матрасе
Молодёжная семья.

Сам колхозный председатель
Поджидает за углом:
Вы, коровы, постарайтесь –
Очень нужен агроном!

Три коровы на базаре
Малым детям наливали,
Прямо в кружки наливали,
За бесплатно наливали
Всё парное молоко.
И вернулись на село,
Не купивши ничего!

24.4.1982

9. МЕТАМОРФОЗЫ

Я видел в автобусе плачущую пожилую женщину.
Она сидела у окна и вытирала платком уголки глаз,
А я стоял и случайно увидел это.
Я смотрел на неё:
На морщины на стареющем лице,
На волосы седеющие, гладкие и на отсутствие модной причёски.
На её пальто.
На её туфли со стоптанными каблуками.
На её руки.
Молодость рук уходит быстрее всего.
Её руки сжимали платок и им вытирала она уголки глаз.
Я стал ею – такое случается иногда со мною,
когда я гляжу на плачущую женщину.

Очень обидно.
Что же я плачу, не надо плакать.
Но очень обидно и слёзы навёртываются.
Я вытираю их платком.
Почему обидел меня мой сын?
Мой сын единственный.
Он такой большой, у него жена и ребёнок, он курит.
А был маленький.
Ведь был же маленький и помещался на моих коленях.
И глаза его были ясные.
И он засыпал у меня на руках.
Как же вышло, что всё прошло? Что теперь не так?
Я еду от него одна, я одна, очень обидно, что же дальше...
Ведь он же мой сын, единственный, почему он меня обидел?
Почему не подумал, не пожалел, обидно...

...Я вернулся в себя на мгновение
и снова увидел плачущую пожилую женщину
и отдалился от неё и волны,
несуществующие волны человеческих чувств
отнесли меня в квартиру на девятом этаже,
где сын этой женщины сидел на кровати и курил сигарету.
И я стал им.

Третья сигарета подряд.
Муторно от сигарет и вообще на душе.
Почему всё не так, как надо?
Обиделась мать и уехала.

Разве хотел я её обидеть?
Зачем кричала она и устроила эту сцену?
Мы сами во всём разберёмся, зачем вмешалась она так грубо.
Ведь это касается только нас: меня и моей жены.
Жена стоит у окна в халате и смотрит в окно.
Она стоит уже полчаса.
Нет, всё-таки надо бросать курить.
Голова в дыму.
Ну откуда взялась такая нескладная жизнь?
Только всяких семейных сцен мне ещё не хватало!
Должен же быть смысл в жизни, что-то другое.
Завтра на работу – хоть там отдохну.
Выходит, бегу.
И куда?
На работу, которая выматывает все силы и от которой тошнит.
На кой же чёрт мы все существуем?
Четвёртая сигарета...

...Я вернулся в себя и увидел
спину в халате молодой женщины у окна.
И я стал ею.

Господи, ведь я же ещё не старуха!
Что же я вижу в этом стекле?
Волосы не прибраны, старый халат, вот уже и морщинки у глаз.
За что?
Когда еду на работу,
причесавшись,
накрасив губы,
тени для глаз,
маникюр,
лак французский,
в моём новом пальто с воротником и в этих сапогах,
которые с пряжками...
Ведь мужчины оборачиваются!
И всего-то сорок минут в день, в автобусе, в давке.
А на работе всё те же лица. Мужчины глупы.
А дома?
Кому я нужна тут?
Постирать, приготовить ужин, погладить рубашку...
Ведь я же стихи читала.
На выпускном вечере.
Господи, какие теперь стихи?
Муж будет лысеть и начнёт пить.

А я буду стареть, стареть, стареть...
Пора за сыном идти в детский сад...

...Я вернулся в себя и крики детей меня оглушили.
А маленький мальчик с ясными глазами
скакал на деревянной лошади.
И я стал им.

Я хотел стать им, но не смог.
Я только почувствовал свежесть жизни.
И радость от ветра, свистящего в ушах.
Я увидел на мгновение будущее как бесконечность.
Я всё могу.
Я стану кавалеристом.
Или космонавтом.
Я ещё не решил.

Я... вернулся в себя.
Я больше не мог терпеть.
Ведь я-то знал:
он может стать кавалеристом,
он может стать даже космонавтом.
Но что же это значит?
Когда он станет кем-нибудь, у него не будет ясных глаз.
И будущее не будет бесконечно.
И вместо путей – тупики.
Так не должно быть.
Так будет.
Я сам так.

Я, который стоит в автобусе,
вымотавшийся на работе,
лысеющий,
накурившийся сигарет,
не терпящий семейных сцен,
по утрам оборачивающийся на красивых женщин,
если они модно одеты,..
Я,
который всё так хорошо понимает
и особенно хорошо:
что толку от понимания?
Конечная остановка автобуса...

17 мая 1982

10. ЕДИНСТВЕННАЯ ПЕСНЯ

В чащобе леса, на краю
могучего оврага,
по дну которого змеёю извивалась
речушка жалкая,
я обнаружил
избушку эту.
В окруженьи сосен,
прямых и гордых,
кронами ловящих
летающий в небе ветер,
дождь
и снег,
она стояла,
словно пень трухлявый.
Вся почернела, крыша провалилась,
оконца в землю вжались, дверь скрипела,
тоскливые мотивы дней прошедших
протяжным звуком выводя.
И вторя ей, в овраге кто-то ухал
и белка рыжая пугалась и взлетала
на верхний сук,
и прыгала в дупло.

– Вот хорошо! – себе сказал я строго.
– Вот здесь меня никто уж не найдёт.

И стал я жить отшельником суровым,
спокойствие вдыхая ежедневно
огромной дозой, что в другое время
болезнью страшною грозила.
Той болезнью,
что люди умные зовут тоской и скукой,
и что в последней стадии развития
всегда ведёт к летальному концу.
Однако здесь, природой окружённый,
забившись в угол дедовской избы,
я наслаждался тихою печалью.
И творческие планы вызревали,
как вызревают тонкие травинки
на куче мусора.

Я взял бумаги белой,
чёрный карандаш
и стал писать прекрасные поэмы.
Летала птица чёрная меж сосен,
в овраге кто-то сучьями трещал.
То солнца луч влетал ко мне в оконце,
то дикая луна пугала иль дождь
шипел и пенился и плакал на стекле.
А где-то сверху,
то ли в кронах сосен,
то ли в печной трубе,
шумел и злился,
жалуясь на мир и проклиная смуту городов,
со мною ветер вольный говорил.
Я понимал его и твёрдый карандаш,
отточенный на диво, плавно мчался
по белым листьям, образы и мысли
в сплетеньи сложном в сложные узоры
ритмичных слов переводя.
Я создавал,
страдая, торжествуя, печалюсь, радуясь, слезами обливаясь
в противоречии меня терзавших чувств,
Единственную Песню.

В это время
инстанции, вопрос ребром поставив,
пришли к согласью в выборе пути
для магистрали, должной разгрузить
грузопоток районного масштаба.
Работа закипела, чертежи
взлетали с кульманов, как белые платочки.
Те платочки, которыми когда-то,
уж не помню в котором веке,
стройные девицы с околицы махали, провожая
лихих мужчин на ихнюю работу.
И в эти чертежи прораб всё пальцем тыкал и кричал,
что сроки подошли, а нет цемента,
и телефон нещадно обрывал.
Строители, заняв свои места
внутри железных гор, что столь искусно
чудовищ сказочных собою заменяли,
курили папиросы, ожидая
сигнала к действию.

Сигнал был выдан в срок.

Моя Единственная Песня подходила
к тревожному чудесному концу,
когда внезапно буря налетела,
сверкала молния,
гремел ужасный гром.
Всё пронеслось,
я вышел на крыльцо:
оврага нет,
по гладкому шоссе,
изящно шинами шурша стрелой летели
автомобили, фарами блестя.
Вот самосвал, пыхтя и отдуваясь,
затормозил и глядя из окна
меня спросил водитель:

– Далеко ли
до базы Промвторбыткопытсырья?

Моя Единственная Песня подходила
к тревожному чудесному концу,
и я вчитался в сложные узоры
ритмичных слов и с грустью обнаружил,
что эту Песню кто-то из ушедших
в прошедшем веке раз уж написал.
Не позабыть рычащие машины,
хотя избушка кажется милей,
но как, скажите, мне соединить
протяжный луч, что с неба посылает
недвижная вечерняя заря,
с ближайшей базой
Промвторбыткопытсырья?
А?

24 июня 1982